



Анна

Скрюченные ножки..."
Корней Чуковский

Человечек на скрюченных ножках
из детской считалочки, помнишь, его было жалко -
таким уродился. И встал на кривую дорожку,
бегом - на задворки, в убежище, в черную печку.
Без веры нельзя, пусть не в бога - в соседскую кош
иначе не жить ни тебе, ни тому человечку.

Тебе ли не помнить - смеялся, снарядам распорот,
пустой криворотый вокзал. На часах - восемь тридцать.
Застывшее время съедало разрушенный город
и детский дневник: шелестели больные страницы.
Неровные буквы похожи на хлебные крошки.
Чудес не бывает.
Но что это?
Сыплется манна,
идет человек... человечек - колёсиком ножки,
а рядом - прозрачная девочка...
Веришь ли, Анна...

Сны

Ты знаешь, мама, уплывают сны —
холодные бесплотные плотвицы.
В прорехах прохудившейся весны
проглядывают пасмурные лица
плакучих дней.
Промокшие дома
рождают ранним утром постояльцев.
В прокуренных сетях своих же пальцев
я снова задыхаюсь.
Страшно, ма.
Вчера срубили тополь под окном:
на чёрном теле — сахарная мякоть,
копна ветвей истоптана, измята.
Ты знаешь, мама, только об одном...

Ты знаешь, мама, только об одном
прошу, вдыхая запах древесины:
не потеряться, став однажды сном —
тяжелым,
беспокойным,
тополиным.

Лошади

Там, за туманами, Богом забытые лошади
ходят кругами, пытаюсь найти исцеление
боли в раздутых боках. Не понять вам, хорошие,
кто наказал и за что.
Лошадиные гении,
сколько стихов истоптали своими копытами:

птицами-тройками – в небо, вы помните?

Вёдрами -

талую воду, овес и пшеницу – корытами:

досыта, допьяна...

Шкуры исколоты рёбрами,

гривы изорваны, в мутных глазах – равнодушие.

В яблоках были когда-то, а нынче от падалиц

скользко и сыро – и падают, тонут послушные.

Помните тех, в океане? Не выплыть.

Да надо ли...

